

Информация для цитирования:

[Слезин А. А.] Изъяны «революции в быту» в советской России в 1920-е годы : взгляд крестьянства / [А. А. Слезин], К. А. Якимов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 494—515. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-494-515.

[Slezin, A. A.], Yakimov, K. A. (2024). Shortcomings of ‘Everyday Revolution’ in Soviet Russia in 1920s: A Peasant Perspective. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 494-515. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-494-515. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Изъяны «революции в быту» в советской России в 1920-е годы: взгляд крестьянства

Слезин Анатолий Анатольевич

orcid.org/0000-0002-9559-7553

WoS ResearcherID: A-8944-2018

ScopusAuthorID 57200087498

доктор исторических наук, профессор

anatoly.slezin@yandex.ru

Якимов Кузьма Александрович

orcid.org/0000-0003-1756-3515

кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник

корреспондирующий автор

kuzma.yakimov@mail.ru

Тамбовский государственный

технический университет

(Тамбов, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено

за счет гранта Российского

научного фонда № 22-18-00132,

<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Shortcomings of ‘Everyday Revolution’ in Soviet Russia in 1920s: A Peasant Perspective

Anatoly A. Slezin

orcid.org/0000-0002-9559-7553

WoS ResearcherID: A-8944-2018

ScopusAuthorID 57200087498

Doctor of History, professor

anatoly.slezin@yandex.ru

Kuzma A. Yakimov

orcid.org/0000-0003-1756-3515

PhD in History,

Senior Researcher,

Corresponding author

kuzma.yakimov@mail.ru

Tambov State

Technical University

(Tambov, Russia)

Acknowledgments:

The study was supported

by the Russian Science Foundation,

grant № 22-18-00132, [https://rscf.ru/](https://rscf.ru/project/22-18-00132/)

[project/22-18-00132/](https://rscf.ru/project/22-18-00132/)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется вопрос о взаимоотношениях крестьян поколения «революционного перелома» (те, кто родились в конце XIX века) с «детьми революции», чье детство и юность пришлось на первое советское пятнадцатилетие. Комсомольцы заметно выделялись в сельской среде своей активностью, стремлениями к преобразованиям. Показано противоречивое отношение крестьян к борьбе комсомола с «пережитками прошлого» в быту. Авторы статьи приходят к выводу о постепенном обострении конфликта поколений, перешедшего в конце 1920-х в стадию межпоколенческого разлома. Во многом это было связано с тем, что, хотя комсомол нередко весьма успешно проявлял себя в созидательной деятельности, внимание к созиданию не стало определяющим в его стиле. Сказывалось отсутствие опыта, низкий культурный уровень преобразователей. При этом комсомольские риторика и практика совершенно не соответствовали традиционным ценностям и религиозности сознания крестьян старшего поколения. Большинство сельчан негативно восприняло стремления к полному обобществлению быта. Неприятие крестьянства было связано и с радикализмом в подходах комсомольцев к проблемам сельской повседневности, с бездумным отрицанием ими традиций и ценностей, а иногда и с негативно-девиантным поведением сельской молодежи.

Ключевые слова:

крестьянство; поколения; революционный перелом; молодежь; пережитки прошлого.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the dynamics between peasants of the “revolutionary generation” (those born in the late 19th century) and the “children of the revolution” whose childhood and youth coincided with the first fifteen years of Soviet rule. The Komsomol members stood out in rural areas due to their activism and transformative aspirations. The article reveals the conflicting attitudes of peasants towards the Komsomol’s struggle against “vestiges of the past” in everyday life, leading to a gradual escalation of intergenerational conflict by the late 1920s. While the Komsomol often excelled in constructive activities, their focus on creation did not define their style, lacking experience and cultural refinement. The Komsomol’s rhetoric and practices clashed with the traditional values and religious beliefs of older peasants, who largely rejected the push towards complete socialization of daily life. Peasants disapproved of the radical approaches of the Komsomol towards rural issues, their thoughtless denial of traditions and values, and at times, the negative-deviant behavior of rural youth.

Key words:

Peasantry; Generations; Revolutionary Transition; Youth; Vestiges of the Past.

Изыяны «революции в быту» в советской России в 1920-е годы: взгляд крестьянства

© Слезин А. А., Якимов К. А., 2024

1. Введение = Introduction

Большое значение для взаимоотношений крестьянских поколений имела активно проводимая коммунистической молодежью посредством комсомольских ячеек борьба с «пережитками прошлого» в быту, которую нередко называли «революцией в быту». Причем непримиримость в отношениях со старшими поколениями, которой отмечены действия комсомола в начале 1920-х годов, в середине десятилетия молодежный союз старался приглушить, осознавая, что без учета интересов крестьян невозможно изменить к лучшему и их отношение к коммунистическим организациям. Чтобы смягчить конфликты, в ходе осуществления политики «лицом к деревне» комсомол поменял многие формы и методы своей деятельности. Подробный рассказ о позитивных результатах данной трансформации и реакции на него крестьянства заслуживает отдельного исследования.

В данной статье мы попытаемся выяснить, почему взаимоотношения поколений в сельской местности под влиянием данных изменений не сумели предотвратить стадию межпоколенческого разлома. При этом первоочередное внимание будет направлено на изучение изменений в крестьянском быту и организации досуга сельской молодежи. Важное место отводится анализу особенностей восприятия крестьянами старшего поколения «революции в быту». Таким образом, научная новизна исследования заключается в попытке объяснить взаимосвязь трансформации крестьянского быта и обострения межпоколенческих противоречий в советской деревне в 1920-е годы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Проведенное авторами исследование основывается на междисциплинарном подходе «поколенческой истории», принципах историзма и объективности. Следует заметить, что в последние годы все более популярным становится изучение истории через призму смены поколений. Причем при попытке определить, выделить то иное поколение обращается внимание не только на возраст, но и на те исторические события, которые «связыва-

ют» в поколение отдельные личности. Как верно заметил Т. Шанин, изучение поколенческой истории позволяет воссоздать более точную научную картину изучаемой эпохи [Шанин, 2005, с. 11]. Изучая влияние молодежи на старших, обращаем внимание читателей на вывод М. Мид, видевшей общественное предназначение молодежи в расчистке почвы для будущего общества — «социальном бульдозировании» [Mead, 1970]. Методологическую основу исследования составили дедуктивный, историко-сравнительный и ретроспективный методы. Предметом нашего изучения являются взаимоотношения крестьян поколения «революционного перелома» (родившиеся в основном в 1890-е годы и активно участвовавшие в событиях 1905—1930 годов [Левада, 2001, с. 7]) с представителями младшего поколения советской деревни («детей революции»).

Отрадно осознавать, что в современной историографии произошла своеобразная «реабилитация» истории быта как научной проблематики. Появилось множество интереснейших исследований и крестьянского быта нэповского периода [Багдасарян, 2009]. Причем если этнографы обычно воссоздают бытовые реалии и практики того или иного периода, то историческая наука прежде всего призвана анализировать человеческие реакции на бытовые реальности. Для более тщательного понимания историографических тенденций в изучении нэповского быта целесообразно обратиться к трудам А. Б. Оришева, В. Н. Тарасенко, В. В. Кулачкова [Оришев и др., 2016; Кулачков, 2021, с. 45—50]. Множество исследований описывают попытки комсомольцев коренным образом преобразовать быт деревни [Вишнева, 2014, с. 112—116; Козлов, 2010, с. 301—306; Полянскова, 2017]. Прислушаемся к мнению О. А. Гайлит: «Разрыв молодежи с традиционной крестьянской культурой проявлялся прежде всего в демонстративном отказе от наследия предков, в том числе и религиозного» [Гайлит, 2012, с. 298]. Неслучайно современные исследователи все чаще обращаются к теме конфликта поколений: [Мищенко, 2020, с. 34—40; Рожков, 2016, с. 164—182; Слезин, 2023, с. 446—477].

В ходе исследования значительное внимание уделялось введению в научный оборот новых источников, освещающих проблему взаимоотношений поколений в контексте рассмотрения модернизации крестьянского быта. Основу источниковой базы настоящего исследования составили документы Российского государственного архива социальной и политической истории (РГАСПИ). Особую значимость для нужд настоящего исследования имело обращение к материалам Фонда Центрального Комитета комсомола (Ф. М — 1), в котором сохранились многочисленные докладные записки и отчеты комсомольских организаций, иллюстрирующие результативность работы сельских комсомольских ячеек. В ряде региональных архивов Там-

бовской и Воронежской областей изучались протоколы и стенограммы комсомольских организаций, содержащие ценные сведения об особенностях работы комсомольцев в реализации задач преодоления дореволюционного быта в деревне. Не менее значимым оказалось обращение к сборникам опубликованных архивных документов, а также материалам советской периодической печати, позволившим более детально рассмотреть процесс трансформации сельского быта и ментальных установок крестьянства в условиях обострения межпоколенческих конфликтов в период нэпа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Комсомол в реализации задач модернизации деревенского быта: восприятие крестьянством

Изучая объективную картину «революции в быту», мы вынуждены признать, что в практической деятельности комсомола внимание к созидательным мерам в рассматриваемый период не было определяющим его стиль. Во-первых, зачастую сказывалась элементарная нехватка материальных возможностей. Показателен, например, факт из истории Красночетаевской волости Ядринского уезда, где пункт ликвидации неграмотности разместили в церковной сторожке. Николай угодник, спрятанный в будни за красным флагом, по праздникам открывался для молящихся [Маторин, 1929, с. 158].

У явного меньшинства крестьян вызывало сочувствие стремление к полному обобществлению быта. В большинстве же своем они были настроены решительно против ломки общинных и тем более семейных устоев. Между тем с середины 1920-х годов практически новый быт в работах советских идеологов подавался лишь как быт коллективный. Провозглашалась необходимость вытеснения домашнего хозяйства, превосходства общественного начала над личным [Рабочий..., 1925, с. 36].

Санитарная и прочая просветительская работа развивалась, как правило, далеко не повсюду, прежде всего благодаря отдельным энтузиастам. Прав был крестьянин И. Денисов, писавший И. В. Сталину из деревни Репьевки Ульяновской губернии, что если бы все крестьянки знали о возможностях медицины и своих правах при советской власти, то «уцепились бы за советскую власть» и голосовали бы только осознанно [Письма во власть..., 1998, с. 462]. На деле даже в Московской губернии и в 1928 году комсомольцы деревни признавались, что у большинства из них «нечистые зубы, сомнительной чистоты нижняя рубашка, “траур” под ногтями, грязная шея», «культурность ребят проявляется не в повседневном быту, а лишь по праздникам»; если в некоторых крестьянских избах и чисто, то это не заслуга комсомольцев [За культурный досуг..., 1928, с. 20].

Агропропаганда также развита была очень слабо. Обусловлено это было не только неподготовленностью комсомольцев, но и отсутствием во многих местах квалифицированных агрономов. При этом среди наиболее предприимчивой части крестьян поколения «революционного перелома» возросло осознание значимости и потребности в грамотных агрономах. Рассмотрим характерный отрывок из письма крестьянина, направленного в редакцию газеты «Беднота», со следующей просьбой: «Нам нужна практическая агрономическая помощь, то есть точные и определенные указания, как поднять крестьянское хозяйство» [Беднота, 1922, 13 декабря, с. 2]. Похожие настроения выражал крестьянин Тверской губернии Антипов после посещения агрономического диспута в Москве: «Мы ждем, что советская власть возьмет курс на агронома-практика, любящего землю, живущего радостями и печальми крестьянина» [Там же].

Однако в результате отсутствия практической помощи от квалифицированных агрономов крестьяне продолжали верить в приметы и всякого рода предсказания. «Знахарство в агрономии процветает всюду», — сделал вывод исследователь воронежского села И. П. Тарадин [Тарадин, 1926, с. 47] и подробно описал, как крестьяне по-прежнему приурочивали поверья и к природным явлениям, и к конкретным праздникам. Тем исследователям, которые отмечают рост сельскохозяйственной пропаганды в каком-либо отдельном регионе, стоит прислушаться к С. А. Есикову, обратившему внимание на невероятную трудность в убеждении крестьян что-то изменить в дедовских технологиях: «Крестьянин должен своими глазами увидеть, своими руками пощупать, прежде чем скажет, хорошо это или плохо» [Есиков, 2010, с. 71].

Нельзя сбрасывать со счетов то, что радикальное реформирование быта не имело каких-либо примеров в историческом опыте. Власть сама признавала: «У нас нет совершенно никаких образцов, по которым могли бы строить большинство наших учреждений по обслуживанию быта»; «Каждый организует то или иное учреждение по-своему, совершенно не зная о проделанных в том же направлении опытах и совершенно не использует сделанного другими» [Как строить..., 1925, с. 7, 9]. Попытки распространения этого опыта настойчивыми признать трудно. Подробные инструкции об организации общественных учреждений практически игнорировались, так как отсутствовало какое-либо материальное подкрепление грандиозных планов.

Крестьян, как правило, волновали проблемы, более связанные с повседневной жизнью. Лозунги комсомольцев и их наставников по существу «разбивались» о неустроенный крестьянский быт. В связи с этим обратим внимание на данные по Больше-Верейской волости Воронежской губернии. В 1926 году 97 % бедноты имели избы, состоящие из одной комнаты.

Даже у зажиточных крестьян избы из двух комнат насчитали только у половины. Ветхими были названы 45 % всех изб. В половине изб бедноты и почти у трети середняков вместо стекла нижняя половина или 2/3 окна были заложены тряпками, кирпичами, забиты досками. Дровами печи топили менее 4 % хозяев. Большинство использовало для отопления кизяки, солому, ветошь. В 75 % изб в зимнее время располагались скот и птица. Ламповое освещение было зафиксировано в 15 % бедняцких и 49 % середняцких хозяйств. Сами хозяева свидетельствовали, что в 85 % жилищ были в наличии насекомые. В 90 % хозяйств на дворе отсутствовали отхожие места. Только 3 % крестьянских семей спали на кроватях (7 % — на полу, 15 % — на скамьях, 50 % — на печи) [Железнов, 1926, с. 23—26].

В слободе Ровеньки беднячка-вдова на вопрос о сне отвечала: «Пид голову кулак, пид бок кирпич и зверху шарафан» [Тарадин, 1926, с. 84]. Зачастую проблемой было просто наесться. Несмотря на существенное смягчение налоговой политики в годы нэпа (вплоть до середины 1920-х годов) крестьяне нередко страдали от настоящего голода [Ипполитов, 2023, с. 336—362]. Отрывок из стихотворения крестьянина Простого (уроженец Тверской губернии, деревни Понтелеево) достаточно наглядно отражает экономическое положение сельчан: «Своя рубашка к телу ближе, / Хоть я не прочь голодным дать, / Да только после не пришлось бы / И самому мне голодать!» [Беднота, 1922, 15 февраля, с. 2].

С. Г. Струмилин определил, что в «средней» избе жили 4,5 души, на каждую из которых приходилось не более 1,2 кубов воздуха вместо требующихся по гигиенической норме 3 кубов. По данным С. Г. Струмилина, только 48,9 % крестьян спали на постелях, 10,3 % — просто на полу. Лишь 28 % из числа обследованных крестьянских жилищ оказались незараженными паразитами. Общая продолжительность трудового дня у русского крестьянина летом достигала 14—15 часов. Причем у женщин с учетом домашних обязанностей оставалось времени на треть меньше, чем у мужчин. При этом С. Г. Струмилин справедливо отмечал, что, поскольку продукты домашнего труда на рынок не поступали, крестьяне не ценили этот труд, считали «непроизводительным». На основании такого отношения крестьян к работе по дому он делал вывод о незавидном положении крестьянок. Интересно исследование годового бюджета рабочего времени крестьянства именно поколения «революционного перелома». По данным С. Г. Струмилина, труд занимал 3848 часов, отдых — 2609 часов. Наемный труд значительно больше времени отнимал у молодежи. Объем домашнего труда увеличивался с повышением возраста. Затраты времени на самовоспитание были наиболее оптимальными как раз у крестьян поколения «революционного перелома». По сравнению с рабочими крестьяне меньше спали, меньше развлекались. Культурные расходы на

книги, газеты в крестьянских семьях были в несколько раз меньше по сравнению с семьями рабочих. На отдых отводилось около 8 % досуга крестьянина (менее 0,5 часа в день), на развлечения — 48 часов в год [Струмилин, 1924, с. 123, 126, 124, 125, 43—44, 46, 68—71, 73—75, 104].

Стремление комсомольцев в клубы, избы-читальни И. Тарадин связал с неустроенностью их быта. 32 % комсомольцев жили в наем. Да и в родительских хатах у них, как правило, не было даже своего угла. 37 % комсомольцев спало на одной кровати с отцом или с братом, сестрой. Даже отсутствие нормального учета в организации объяснялось бытовыми трудностями. Не хватало бумаги до такой степени, что учет приходилось вести на каких-то оборванных клочках или просто «держать в голове» [Тарадин, 1926, с. 103, 105]. Очевидно, что у большей части несоюзной сельской молодежи бытовые условия были не лучше.

В силу низкого личного культурного уровня комсомольцы нередко выбирали методы ликвидации «пережитков», граничащие с абсурдом. Особенно это проявлялось в начале 1920-х годов, когда ячейка могла вынести постановление и о физических наказаниях носителей «пережитков» в собственных рядах [ГАСПИТО, ф. П. — 1204, оп. 1, д. 90. л. 10; ГАОПИ ВО, ф. П. — 6, оп. 1, д. 122, л. 27]. А уж запреты на курение, сквернословие, танцы и другие развлечения, ввод новых обращений друг к другу использовали многие сельские ячейки, чем вызывали откровенное возмущение представителей прежде всего крестьянских поколений не очень старых возрастов.

Многие бытовые начинания крестьяне в принципе приветствовали, но конкретное их воплощение в жизнь иногда вызывало самый настоящий ужас. Так, летом 1926 года в письме в «Крестьянскую газету» из деревни Лезно Чудовской волости Новгородской губернии рассказывалось о положении детей в местных яслях. Фактически присмотр за ними был в яслях лишь формальным, дети были полуголодными, нередко травмировались [Голос народа..., 1997, с. 166—167].

Нравственное преимущество, сопряженное с изьянами образа жизни старших поколений крестьянства, по большому счету, отрицалось самой коммунистической молодежью. Проявления негативно-девиантного поведения комсомольские руководители и их партийные наставники также называли «пережитками прошлого». Постыдным в комсомоле считали сами знания о ценностных идеалах прошлого, подчас бездумно и беспрерывно расширяя сферу борьбы с «пережитками». Фольклор тех лет напоминает об этом так: «Люди старые в народе // Ноне тоже уж не в моде, — // Молодежь наша кругом // Стару жизнь вертит верх дном» [Частушки красноармейцев..., 1925, с. 14].

Новые идеалы, направления бытового новаторства часто зависели даже не от провозглашаемых сверху принципов, а от культурного уровня местно-

го актива. Обычной была картина, когда на довольно многолюдных собраниях комсомольцы, ставя вопрос о новом быте, выкрикивали привлекательные и для многих крестьян лозунги: «Долой ругню», «Долой курение!» и т. п. Но, как рассказывал И. П. Тарадин, в той же комнате, где проходили эти собрания, было постоянно накурено, доклады были оторваны от реальной жизни, фактически усилия тратились бесполезно [Тарадин, 1926, с. 101]. В целом же в середине 1920-х годов в отношении крестьян к новому быту преобладали негативные оценки. Так, анализ писем крестьян Уральской области в областную «Крестьянскую газету» 1925—1927 годов показал, что 78,8 % оценок бытовых изменений — негативные [Безденежных, 2011, с. 104].

3.2. Культурно-досуговая и просветительская работа комсомола как фактор обострения межпоколенческих отношений в деревне

Следует заметить, что в деревне периода нэпа мало кто мог воспринимать пропагандистские выступления комсомольцев как объяснение научных теорий. Пропаганда ориентировалась в основном на слои, податливые к упрощенным схемам. В частности, этнографы 1920-х годов отмечали распространенность и среди молодежи упрощенного объяснения таинственного и непонятного [Комсомол в деревне..., 1926, с. 73].

Чаще всего молодые пропагандисты предпочитали не убеждать, а запугивать. Бесспорно, это понижало неформальный авторитет комсомола среди сельчан, все более обостряло конфликт поколений. Современный историк Р. В. Рыбаков небезосновательно заявлял о дополнительном импульсе стремлений молодежи расширить отводимые культурные рамки, реализовать запретные влечения в условиях массового нигилизма 1920-х годов [Рыбаков, 2016, с. 125].

Многие комсомольские активисты проявили радикальные подходы к самым разным проблемам обыденной жизни. Как утверждали Е. М. Ярославский и К. Цеткин, даже В. И. Ленин считал, что от теории «стакана воды», проповедующей простоту удовлетворения половых потребностей, молодежь «прямо взбесилась» [Ярославский, 1955, с. 48]. Правда, в основном ее сторонники проявили себя в крупных городах. Но эксцессы случались и на селе. По свидетельству В. Кузьмина, «Комсомольская правда» была завалена письмами, авторы которых перехватывали любовные записки комсомольцев и просили фельетонистов «намылить им головы». В селе Карагай Пермского округа застигнутые на свидании у реки Обвы комсомольцы доставлялись связанными для обсуждения на заседании комитета комсомола [Кузьмин, 1926, с. 30, 31].

Комсомольцам, которые после сухого доклада свистели, радикалы обещали путь меньшевиков и эсеров. Носящих галстуки объявляли карьеристами, практикующих рукопожатия — разносчиками заразы. В письмах

в «Комсомольскую правду» клеймили и тех, кто, заходя в «красный угол», не снимает головной убор перед портретом Ленина [Там же, с. 29]. Даже игры и танцы выглядели в глазах некоторых активистов «пережитками», которые могут быть разрешены только беспартийной молодежи (в силу ее культурной отсталости). Весьма иллюстративны в этом отношении наблюдения сельского комсомольца Соколова (деревня Тограево, Северный Кавказ): «Вечеринка. Начинаются танцы. Танцуют только беспартийные ребята. Комсомольцы стоят в стороне и по-разному ухмыляются. Одни “соблазняются”: хочется и колется — боятся нарушить комсомольскую этику. Другие с сожалением смотрят на танцующих: какие, дескать, скоты, танцуют!» [Комсомольская правда, 1925, 31 октября, с. 3].

Кстати, в данной сфере настроения комсомольских радикалов и крестьян поколения «революционного перелома» в конечном счете совпадали. Если первые отвергали современные танцы из индивидуализма и западного происхождения, то крестьяне видели в них прежде всего угрозу старым народным танцам. В. А. Мурин писал в 1926 году: «Если пять лет тому назад далеко не каждая деревенская девушка умела танцевать краковяк, польку, то в 1924 году в деревне уже танцуют танго, падекатр, этранж и пр. Это даже не танцы, это механически заученные движения ногами: лишь бы выходило сколько-нибудь похоже на танец — и ладно!» [Мурин, 1926, с. 82—83]. Руководство Томской комсомольской организации в 1925 году отмечало, что деревенская молодежь стала увлекаться «дурными» сторонами городского быта, критикуя копирование девушками мод кофточек, юбок и причесок [РГАСПИ, ф. М.-1, оп. 23, д. 435, л. 49].

Крестьяне обычно ограничивались ворчанием. Некоторые не пускали своих младших членов семьи на танцы, подчас высмеивая их увлечение [Там же]. А комсомольские активисты пытались вложить в массовые пляски физкультурное содержание, внедрить в сельский быт идеологически выдержанные танцы. Зафиксировано множество попыток установить правила проведения вечеринок, сделать популярными «игры под музыку» («Красные и белые», «Газетчики и танцы»), новые «народные» танцы («Дашь здоровый быт!», «Колхозный», «Ликбезный»).

В популяризируемых коммунистической молодежью играх многих крестьян раздражало и все большее проявление их военизации [Корнильева-Радица и др., 1929; Любимов и др., 1929; Черняк, 1929]. В современной историографии в основном положительно оценивают военизацию игровой практики. Прежде всего обращается внимание на то, что военизированные игры были рассчитаны на выработку у пионеров дисциплинированности, точности, силы воли и других качеств, особенно пригодившихся тогдашним детям и юношам в годы Великой Отечественной войны [Ефимова,

2014, с. 61—68]. Крестьяне же 1920-х годов были недовольны тем, что и в этой сфере их детей обучали «как-то странно». Понятно, что с болью в сердце воспринимались многими крестьянами игры военно-исторической тематики. Ведь для многих еще не утихла боль Гражданской войны, а в этих играх все подавалось слишком однозначно, в сценариях планировались не просто победы красных, а их героизация.

Крестьянство явно раздражали крайности в поведении комсомольцев, в том числе, например, идея «полезного» аскетизма. Понятно, почему в деревне Холопово крестьянские девушки, например, пели: «Ох... по дороге колокольцы, / Словно сердце прыгает... / Ах... не влюбляйся в комсомольца, / Скукою измывает» [Быт и молодежь ..., 1926, с. 70]. Если совсем пожилые крестьяне, старики могли и похвалить комсомольцев, относящихся к ним уважительно и не злоупотребляющих хулиганством, то ровесники из числа неорганизованной молодежи и крестьяне из числа старших, но еще не старых прямо заявляли: «Терпенья нету: песни воспевают петь, танцевать нельзя, того нельзя, этого нельзя... слухай, чего они говорят, а мы слушаем и не понимаем...» [Там же].

В среде комсомольских лидеров данная проблема некоторыми вполне осознавалась. Так, известный в 1920-е годы журналист и общественный деятель А. Слепков высказывал возмущение относительно того, что большая часть комсомольского актива живет лишь политикой, в быту многие из активистов отталкивали от себя схожестью с чеховскими героями в «футлярах». А. Слепков отмечал у них «полное пренебрежение к тому, что не импонирует». Оторванность от повседневных забот «засушивала» молодежь. Он говорил: «Молодежь зачастую перестает походить на молодежь». По его мнению, многие комсомольцы «потеряли способность юношески воспринимать жизнь». Даже комсомольские игры, в частности «политфанты», по его мнению, напоминали политпроверку («ее не то, что беспартийная молодежь, комсомольцы рядовые как огня боятся»). «Нам ведь нужна жизнь и без полит», — цитировал А. Слепков другого активиста [Там же, с. 23—27]. Не менее показательны рассуждения комсомольского работника села Покровское-Глебово Московского уезда Романюка, который так охарактеризовал настроения молодежи на комсомольских докладах и беседах: «Девушки нам говорят: у вас одна политика. Беспартийную молодежь лихие звуки гармошки легко отвлекают от комсомольских собраний» [Комсомольская правда, 1925, 31 октября, с. 3].

Много говорилось о необходимости развития в деревне привлекательной для крестьян культурно-просветительной работы. Одной из самых легких и доступных форм преобразования крестьянского досуга стали драматические кружки. Во многих местах процветали спектакли с самоде-

ятельными артистами, нехитрой бутафорией, совсем простым гримом. С. Абрамсон замечал: «В ряде мест ребята настолько наловчились играть, что своими хорошими постановками создают себе большую популярность во всей округе» [Комсомол деревне ..., 1926, с. 14].

Даже в далекой северной деревушке Выемково к 1924 году удалось организовать деревенский кружок, который посещали около 80 человек, в том числе и девушки. Постепенно их спектакли смогли привлечь внимание и некоторых крестьян («Смолкала постоянная ругань в семье») [Там же, с. 27]. Но в то же время про кружковцев распространялись сплетни, клуб назывался местом распространения разврата и заразы [Там же, с. 26]. Крестьяне и крестьянки средних лет часто были не против сходить на представление, но боялись злых пересудов. Через год не сумела набрать новых членов местная комсомольская ячейка, а без комсомольских организаторов и поддержки взрослых вскоре прекратил свою деятельность и культурно-просветительный кружок. Настороженное и недоверчивое отношения со стороны старшего поколения деревни наблюдалось и в отношении комсомольских изб-читален. Например, в Харьковской губернии среди крестьян были следующие настроения: «Как побыла в хате, так и сына жди» [Комсомольская правда, 1926, 3 июня, с. 2].

В Московской губернии в 1926 году 75 % занимающихся в драмкружках составляла молодежь. Причем отмечалось много случаев, когда не комсомол был инициатором кружка, а культурно-просветительное объединение молодежи создавало из своего ядра комсомольскую ячейку (например, в деревне Ковшево Костромской губернии, в селе Булатниково Московской губернии) [Деревенский Театр, 1926, с. 3].

Элементы развлечения содержали в себе диспуты, собиравшие огромную аудиторию даже в сельской местности. Нередко диспут превращался в спор молодежи и «стариков» [Трудовой Дон, 1923, с. 3]. «Правда» в самих сценариях закреплялась за молодыми борцами с «пережитками». Но поскольку в ряде случаев обвиняемая сторона выставила весьма образованных сильных полемистов (особенно это проявилось в диспутах по вопросам религии), власть взяла курс на свертывание и данной формы просвещения.

Сочетая индоктринацию с развлечением, вовлечению широких масс крестьянства в агитационно-пропагандистскую работу явно способствовали агитационные суды. И. В. Сидорчук вполне обоснованно отмечал активное вовлечение зрителей в псевдосудебные споры на сцене как главный фактор большей эффективности агитсудов даже по сравнению со спектаклями или лекциями [Сидорчук, 2021, с. 39].

Специальные методические издания и сценарии выпускали в целях популяризации агитсудов [Андреев, 1926; Виленкин, 1926; Медынский и др.,

1923; Ребельский, 1926]. Книга Я. П. Резвушкина, например, представляла собой разработку антирелигиозного вечера — суда, который был уже апробирован. Уже в самом сценарии «Суда над Богом» закладывались механизмы для обострения межпоколенческого конфликта. По сценарию юный свидетель резко отзывается не только о старых обычаях, но и об их исполнителях, даже о своей бабушке («одна нога в гробу»). Говорит, что она «бьет лбом» «перед размаленной доской», высмеивает ее поведение. Красноречиво стиль пропаганды раскрывают названия разделов книги: «Бог — величайший преступник мира», «Не бог создал человека, а человек бога», «Церковь как крепостническая и капиталистическая организация» и др. [Резвушкин, 1925]. Среди самих комсомольцев особым успехом пользовались суды над участвующими в религиозных обрядах комсомольцами. Как правило, под бурное одобрение зрителей им выносился однозначно обвинительный приговор, ведущий к исключению из молодежного союза. Антирелигиозный аспект обязательно имел место на санитарно-просветительных судах, пытавшихся внедрить в сознание крестьян мысль о том, что Бог, молитвы не спасут от болезней и бед [Авдеев, 1926; Деев, 1924; Лапин, 1924].

Впрочем, далеко не всегда в крестьянской аудитории срабатывал обвинительный запал агитсудов. Сельчане и особенно сельчанки подчас проявляли сочувствие и сострадание к «подсудимым». Иногда слова «подсудимых» вызывали даже слезы зрителей [Изба-читальня, 1928, с. 45].

3.3. Брачный вопрос и межпоколенческие конфликты в крестьянских семьях

Основным нервом межпоколенческих противоречий в деревне был, пожалуй, брачный вопрос. Фольклор русской деревни, который можно считать одним из индикаторов общественных настроений крестьянства, неустанно отмечал брачные новшества: «Все опели уши нам, — / Не ходить в церковь, к попам, — / А итти лишь в Загс велят, / Счастье только там сулят» [Хребес, 1929, с. 57], «Нам в попах нужды не стало, / И без них теперь права, / Без подарочков запишут / в исполкоме у стола» [Частушки красноармейские..., 1925, с. 20], «Батка любит покричать, / Чтоб нас в церкви обвенчать, / А я батюшке в ответ: / — Отвези меня в совет» [Комсомольское Рождество, 1925, с. 150], «Ноне легкая женитьба / Со советским со листом / Называли это раньше — / Под раковым кустом» [Красная новь, 1926, № 11, с. 179]. Указывалось на несовместимость коммунистических браков с религиозностью: «С комсомольцами гулять — / Надо измениться / Крест на шее не носить, / Богу не молиться» [Комсомол в деревне..., 1926, с. 142], «Коммуниста полюбила — / Сразу изменилась, / Все иконы порубила — / Ни разу не молилась», «Я умру — не хороните / Не носите в церковь / У меня милой комсомолец / Комсомолочка и я» [Ком-

сомольская правда, 1926, 16 января, с. 3]. Для комсомольца часто главным условием вступления в брак становился разрыв невесты с церковью: «Урезонивал Машутку: / Говорю тебе не в шутку / Плюнь на церковь и попа, / Нет — прощай же навсегда» [Комсомол в деревне..., 1926, с. 148].

Для девушек связь с комсомольцем или коммунистом зачастую вела к обострению семейных конфликтов: «Коммунист ты, коммунист, / Рубашечка сатиновая, / Из-за тебя я, коммунист, / Дом родной покинула» [Там же, с. 144], «Меня тетенька ругает, / Меня маменька бранит: / Комсомольца молодого / Не велят мене любить» [Комсомольская правда, 1925, 2 августа, с. 1], «Хоть ругайте, не ругайте, / Но по-вашему не быть, / Комсомольца молодого / Не закажите любить» [Там же]. Для того чтобы успокоить верующих родственников, действовавшие в русле советской политики молодожены шли на ухищрения. Так, комсомольская пресса зафиксировала немало упоминаний о просьбах женихов исключить их из комсомола временно. Особенно смешным выглядит заявление комсомольца из Тверской губернии, который ради венчания просил считать его «не-комсомолом» всего три часа [Комсомольская правда, 1927, 27 апреля, с. 3].

В сложившихся обстоятельствах комсомольские активисты нередко вынужденно исполняли предписания комсомола, но в частной жизни продолжали следовать традиционным ритуалам. Встречается много примеров, когда новобрачные заключали гражданский брак, а потом пытались тайно венчаться. Например, в Вятской губернии комсомолец, который вел антирелигиозную пропаганду в деревне, венчался в церкви [РГАСПИ, ф. М.-1, оп. 23, д. 504, л. 256]. Но обычно среди товарищей находились «доброжелатели», раскрывающие тайну. Правда, для комсомольцев это не всегда заканчивалось исключением из союза. Их руководителя вынуждены были смягчать свою позицию хотя бы потому, что строгости в этой сфере оттачивали новичков от комсомола.

В свою очередь крестьяне поколения «революционного перелома» с непониманием относились к двойным стандартам комсомольской молодежи в вопросах заключения брака. Рассмотрим характерный пример крестьянских настроений Вятской губернии: «Какая-то власть лживая. Наверное, только нас, темных масс обманывают, а сами то что делают? Зачем едут в церковь? Приняли венцы и таинства по обряду церковному, а опять состоят в комсомоле и партии и пользуются доверием от власти и получают за это от нее только выговор» [Там же].

В то же время именно церковными браками членов союза зачастую объяснялась «засоренность», плохая работа ячеек [РГАСПИ, ф. М.-1, оп. 23, д. 130, л. 18—19]. Не найдя невесты в своей ячейке или хотя бы в деревне, некоторые комсомольцы просили уездные комитеты «прислать жену». Же-

нившихся на беспартийных подчас исключали из комсомола [Бюллетень..., 1925, с. 5]. В борьбе с церковным браком старались доказать девушкам, что они равноправны с мужчиной, что именно советский способ заключения брака гарантирует им определенные права даже после развода. И в частушках комсомольцы указывали, что материальная составляющая брака безнадежно устарела: «За женою брать добро — / Ныне это уж старо — / Не по времени! Со свету / Надо выжить моду эту: / Пусть мужья берут жену, / А не женину казну [ГАТО, ф. Р.-1, оп. 1, д. 829, л. 238—239]».

Запечатлели частушки и стремления многих даже причастных к власти сельчан обойти запреты на церковные браки. Кроме того, часто крестьяне были недовольны не только легкостью заключения гражданских браков, но и беспечной готовностью к разводам. Чтобы развестись, с 1926 года не требовалось даже присутствие и согласие второй стороны. При этом среди самих комсомольцев нередким было легкомысленное отношение к заключению брака и разводу. В частности, один из членов сельской комсомольской ячейки Томской области мотивировал свой развод после рождения ребенка тем, что «она неряха, красоту не соблюдает и не поддается никакой обработке» [РГАСПИ, ф. М.-1, оп. 23, д. 435. л. 49].

Между тем весьма сложным было отношение к упрощенному разводу среди крестьян поколения «революционного перелома». В большинстве своем они по-прежнему связывали крепость брака с церковными узами. Любопытно, что крестьяне называли брак «венчанием», даже если венчания как такового и не было. Однако остались свидетельства о том, что крестьяне слободы Ровеньки хорошее видели в том, что «як ошибся, плоху бабу взяв, можно и переменить». Но тут же обращали внимание, что благодаря этому хозяйство разоряется, дети остаются сиротами. Все-таки крестьяне приходили к выводу, что нужны определенные ограничения. Сельчанки хоть и обращали внимание на тяжелое экономическое положение разведенных женщин, говорили: «Когда есть развод теперь, то бабе больше независимости от мужика. Соввласть хорошо делает для баб» [Тарадин, 1926, с. 96]. В ходе опроса об отношении к разводам выяснилось, что 64,8 % мужчин и 88,5 % женщин высказались против [Там же]. Частушки также сохранили память о различиях в крестьянских оценках упрощенных разводов: «В брачном деле мой брательник — / Нового поборник / Он женился в понедельник, / Развелся во вторник» [Синяя блуза, 1926, № 47—48, с. 70].

Среди крестьян поколения «революционного перелома» преобладали практические представления об отношениях полов. Некоторые из них прямо говорили о том, что комсомол и не растет в первую очередь из-за нежелания парней и девушек остаться холостыми. Так, крестьянин из деревни Матвеевки Жигаевской волости Льговского уезда Курской губернии раз-

мышлял: «Располагая быть дома, девушка в комсомол никогда не вступит. Комсомолец, располагая быть дома, говорит: “Век неженатому не быть”» [Голос народа..., 1997, с. 174].

По вопросу «Нужно ли бить жену?» зафиксирована крайняя противоречивость суждений. Так, в Ровеньках за то, что бить нужно, высказалось больше даже женщин, чем мужчин [Тарадин, 1926, с. 97—98].

Скептически относились крестьяне Ровенек к участию местных жительниц в женотделах. Обилие забот по хозяйству приводило к тому, что стоящая крестьянка-хозяйка не в состоянии была отлучаться на всякого рода собрания. И получалось, что в женотделах активность в основном проявляли особы, мало связанные с сельским хозяйством, вдовы (по словам крестьян, «которые по базару шукуют пудры и мыло и работать не хотят»). Крестьяне откровенничали: «Хозяйство и раньше незавидное у таких женщин, когда они начинают отдаваться общественной работе, еще больше ухудшается». В среде середняков преобладала схожая точка зрения: «Ходить туды на собрания только хозяйство разрушать, так як заседания там каждый день» [Там же, с. 100].

Впрочем, и среди молодых девушек отношение к общественной работе значительно изменялось после начала семейной жизни. Очевидно, после замужества бытовые заботы начинали отнимать существенную часть свободного времени, а потому становилось затруднительно регулярно посещать комсомольские собрания. Нередко в это время крестьянские девушки мотивировали свой выход из комсомола следующим образом: «Замуж вышла. Теперь и без комсомола работы много! Нечего хвост трепать» [Комсомольская правда, 1926, 17 февраля, с. 3].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, «революция в быту» многофакторно повлияла на характер общественных настроений крестьянства. Важнейшую роль в обострении противоречий между поколениями крестьян сыграло усилившееся в годы нэпа влияние комсомольских ячеек в деревне, в то время как сами комсомольцы стали главными проводниками «нового быта». Однако, несмотря на проявившееся различие в представлениях о «правильном» быте, по некоторым направлениям модернизации сельского быта позиции поколений практически совпадали. Но поскольку созидательные черты деятельности комсомола и поддерживающей его молодежи в рассматриваемый период не стали определяющими их стиль, в основном крестьянство старших поколений негативно восприняло борьбу с «пережитками прошлого», рассматривая ее как попытку перевернуть сельскую иерархию, отказаться от наследия «отцов», проигнорировать интересы «старших бра-

твев». Проявившиеся в 1920-е годы противоречия в мировоззренческих ценностях «отцов» и «детей» во многом предопределили межпоколенческий раскол и усиление конфронтации в советской деревне, достигшие своего апогея в период коллективизации.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
--	--

Источники и принятые сокращения

1. *Авдеев В.* Шептуны и знахари. Инсценированный агит-суд над знахарством в 3-х карт. для деревенского театра / В. Авдеев. — Ленинград : Прибой, 1926. — 32 с.
2. *Андреев Б.* Суд над старым бытом / Б. Андреев. — Москва : Долой неграмотность, 1926. — 31 с.
3. *Беднота.* — 1922. Февраль ; Декабрь.
4. *Бюллетень IV Всесоюзной конференции РЛКСМ.* № 5. — Москва : Молодая гвардия, 1925. — 334 с.
5. *Виленкин А. Я.* Как поставить агит-суд в избе читальне / А. Я. Виленкин. — Ленинград : Гос. изд., 1926. — 24 с.
6. ГАОПИ ВО — *Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области* Ф. П. — 6. Оп. 1. Д. 122. Л. 27.
7. ГАСПИТО — *Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области* Ф. П. — 1204. Оп. 1. Д. 90. Л. 10.
8. *Голос народа.* Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 гг. / сост. С. В. Журавлев и др. ; Предисл. А. К. Соколов. — Москва : РОССПЭН, 1997. — 328 с.
9. ГАТО — *Государственный архив Тамбовской области.* Ф. Р. — 1. Оп. 1. Д. 829. Л. 238—239.
10. *Деев Д. И.* Суд над заразившим сифилисом жену (санитарная пьеса) / Д. И. Деев. — Екатеринбург : Отд. здравоохранения и доркультура Екатеринбург. ж. д., 1924. — 31 с.
11. *Деревенский Театр.* — 1926. — № 8.
12. *Железнов Ф. А.* Больше-Верейская волость : (экономика и быт деревни) / Ф. А. Железнов. — Воронеж : Воронежск. краевед. о-во, 1926. — 38 с.
13. *За культурный досуг молодежи: Информационный обзор.* — Москва : Мособлгаграф, 1928. — 36 с.
14. *Изба-читальня.* — 1928. — № 17.
15. *Как строить новый быт: практические советы и указания жилищно-арендным кооперативам.* — Москва : Вопросы труда, 1925. — 120 с.
16. *Комсомол в деревне. (Наш опыт) : Сборник* / сост. Гр. Краснощеков, А. К. Кузнецов, Б. Трейвас. — Москва : Новая Москва, 1926. — 153 с.
17. *Комсомольская правда.* — 1925. — Август ; Октябрь ; 1926. — Январь ; Февраль ; Июнь ; 1927. — Апрель.
18. *Комсомольское Рождество : Сборник материалов к празднованию комсомольского рождества* / под общ. ред. М. Лисовского. — Ленинград : Госиздат, 1925. — 182 с.

19. *Красная новь*. — 1926. — № 11.
20. Кузьмин В. О «молодой старости», аскетизме и казенщине / В. Кузьмин // Быт и молодежь. — Москва : Правда; Беднота, 1926. — 75 с.
21. Лапин Д. В. Суд над бациллой Коха / Д. В. Лапин, С. А. Степанов. — Москва : Нар. ком. здрав., 1924. — 51 с.
22. Маторин Н. М. Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь : язычество-ислам-православие-сектантство / Н. М. Маторин. — Москва : Безбожник, 1929. — 174 с.
23. Медынский Е. Н. Агитсуды / Е. Н. Медынский // Энциклопедия внешкольного образования. — Москва : Гос. изд., 1923. — 138 с.
24. Мурин В. А. Быт и нравы деревенской молодежи / В. А. Мурин. — Москва : Новая Москва, 1926. — 158 с.
25. *Письма во власть*. 1917—1927 : Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / сост. А. Я. Лифшин, И. Б. Орлов. — Москва : РОССПЭН, 1998. — 664 с.
26. *Рабочий, строй свою кооперацию!* : Сборник-пособие рабочим клубам по кооперативной агитпропаганде / под ред. Ник. Масленикова Главполитпросвет Агит. отд. ние. — Москва : Долой неграмотность, 1925. — 143 с.
27. Ребельский И. В. Инсценированные суды : (Как их организовывать и проводить) / И. В. Ребельский. — Москва : Труд и книга, 1926. — 84 с.
28. Резвушкин Я. П. Суд над богом : Антирелигиозный сборник / Я. П. Резвушкин. — Москва : Гос. изд., 1925. — 134 с.
29. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической истории. Ф. М. — 1. Оп. 23. Д. 130. Л. 18—19, Ф. М. — 1. Оп. 23. Д. 435. Л. 49, Ф. М. — 1. Оп. 23. Д. 504. Л. 256Ф. М — 1. Оп. 23. Д. 580. Л. 120.
30. Синяя блуза. — Москва : Труд и книга, 1926. — № 47—48. — 80 с.
31. Струмилин С. Г. Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922—1923 гг. / С. Г. Струмилин. — Москва : Вопросы труда, 1924. — 160 с.
32. Тарадин И. П. Слобода Ровеньки / И. П. Тарадин. — Воронеж : Воронежское краевед. о-во, 1926. — 171 с.
33. *Трудовой Дон*. — 1923. — 16 марта.
34. Хребес И. Современные крестьянские песни : холостая жизнь, любовь, брак, семья, новые пути : с приложением типовых напевов / И. Хребес. — Москва : Гос. изд., 1929. — 98 с.
35. Цеткин К. Из записной книжки / К. Цеткин // Воспоминания о В. И. Ленине. — Москва : Госполитиздат, 1955. — 72 с.
36. *Частушки* красноармейские и о Красной Армии. — Москва : Гос. военное изд., 1925. — 28 с.
37. Ярославский Е. М. Мораль и быт пролетариата в переходный период / Е. М. Ярославский. — Ленинград : Прибой, 1926. — 74 с.

Литература

1. Багдасарян С. Д. Быт, труд и семья крестьян эпохи нэпа : историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы / С. Д. Багдасарян. — Новочеркасск : Лик, 2015. — 312 с. — ISBN 978-5-906758-77-4
2. Безденежных А. Ю. Проблема просвещения в деревне в середине 1920-х гг. В контексте крестьянских писем из Уральской области / А. Ю. Безденежных // Педагогическое образование в России. — 2011. — № 4. — С. 102—105.

3. Вишнева О. Г. Участие Псковской губернской комсомольской организации в кампаниях по переВыборам Советов в 1920-е гг. / О. Г. Вишнева. — Псков : [б. и.], 2014. — № 40. — С. 112—116.

4. Гайлит О. А. Религия в «молодом» обществе : заметки о становлении советской повседневности / О. А. Гайлит // Антропологический форум. — 2012. — № 16. — С. 288—308.

5. Есиков С. А. Российская деревня в годы нэпа : к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья) / С. А. Есиков. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 246 с. — ISBN 978-5-8243-1383-3.

6. Ефимова Е. А. Военные игры в воспитании подрастающего поколения (II половина 1920-х — 1930-е гг.) / Е. А. Ефимова // Образование как фактор развития интеллектуально-нравственного потенциала личности и современного общества. — Санкт-Петербург : Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2014. — С. 61—68.

7. Ипполитов В. А. Влияние голода 1924—1925 годов на общественно-политические настроения крестьянства в Тамбовской губернии // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 336—362. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-336-362.

8. Козлов Ф. Н. Антирелигиозная пропаганда в Чувашии в начале 1920-х гг. / Ф. Н. Козлов // Эхо веков. — 2010. — № 3—4. — С. 301—306.

9. Кулачков В. В. Трансформация статуса крестьянок в эпоху новой экономической политики (историографические заметки) / В. В. Кулачков // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России : история и современность. — 2021. — № 10 (2). — С. 45—50.

10. Левада Ю. А. Поколения XX века : Возможности исследования / Ю. А. Левада // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2001. — № 5. — С. 7—14.

11. Мищенко Т. А. Молодое поколение в конструировании новой политической идентичности в 1920-е гг. В деревне Юго-Запада России / Т. А. Мищенко // Манускрипт. — 2020. — Т. 13. — № 10. — С. 34—40.

12. Орищев А. Б. Повседневная жизнь советского человека в эпоху НЭПа : историографический анализ / А. Б. Орищев, В. Н. Тарасенко. — Москва : РИОР, 2016. — 150 с. — ISBN 978-5-369-01460-8.

13. Полянская Л. Ю. Формирование нового социокультурного облика крестьянства Среднего Поволжья в период нэпа / Л. Ю. Полянская. — Москва : Политическая энциклопедия, 2017. — 239 с. — ISBN 978-5-8243-2173-9.

14. Рожков А. Ю. Трансформация ценностных ориентаций сельской молодежи Кубани в условиях межпоколенческого разрыва (1920-е гг.) / А. Ю. Рожков // Голос минувшего. — 2016. — № 3—4. — С. 164—182.

15. Рыбаков Р. В. «Социалистической культуре недостает каких-то добродетельных начал» : из опыта воспитания советской молодежи в 1920-е гг. / Р. В. Рыбаков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 11. — С. 122—126.

16. Слезин А. А. Межпоколенческий разлом российской деревни : влияние «антирелигиозного наступления» коммунистической молодежи на рубеже 1920 — 1930-х годов / А. А. Слезин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 446—477. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-446-477.

17. Mead M. Culture and Commitment. A Study of the Generation Gap / M. Mead. — New York : Natural History Press, 1970. — 91 p.

18. *Peris D. Storming the Heavens* / D. Peris. — Ithaca and London : Cornell university Press, 1998. — 237 p.

Статья поступила в редакцию 18.04.2024,
одобрена после рецензирования 16.06.2024,
подготовлена к публикации 24.06.2024.

Material resources

- Andreev, B. (1926). *The trial of the old way of life*. Moscow: Down with illiteracy. 31 p. (In Russ.).
- Avdeev, V. (1926). *Whisperers and healers. Staged agitation trial of witchcraft in 3 cards. for the village theater*. Leningrad: Priboy. 32 p. (In Russ.).
- Blue blouse*, 47—48. (1926). Moscow: Trud i kniga. 80 p. (In Russ.).
- Bulletin of the IV All-Union Conference of the Russian Communist League*, 5. (1925). Moscow: Molodaya Gvardiya. 334 p. (In Russ.).
- Deev, D. I. (1924). *The trial of a wife infected with syphilis (a sanitary play)*. Yekaterinoslav: Department of Health and dorcultran Yekaterininsk. zh. d. 31 p. (In Russ.).
- For the cultural leisure of youth: An information review*. (1928). Moscow: Mospoligraf. 36 p. (In Russ.).
- GAOPI VO — *State Archive of Socio-political history of the Voronezh region*. (In Russ.).
- GASPITO — *State Archive of Socio-political History of the Tambov region*. (In Russ.).
- GATO — *State Archive of the Tambov region*. (In Russ.).
- How to build a new way of life: practical tips and instructions for housing and rental cooperatives*. (1925). Moscow: Questions of labor. 120 p. (In Russ.).
- Hrebes, I. (1929). *Modern peasant songs: single life, love, marriage, family, new ways: with the application of standard tunes*. Moscow: State Publishing House. 98 p. (In Russ.).
- Izba-reading room*, 17. (1928). (In Russ.).
- Komsomol Christmas: A collection of materials for the celebration of Komsomol Christmas*. (1925). Leningrad: Gosizdat. 182 p. (In Russ.).
- Komsomol in the village. (Our experience): Collection*. (1926). Moscow: New Moscow. 153 p. (In Russ.).
- Komsomolskaya Pravda*. (1925, 1926, 1927). (In Russ.).
- Krasnaya Novy, 11*. (1926). (In Russ.).
- Kuzmin, V. (1926). About the “young old age”, asceticism and the treasury. In: *Everyday life and youth*. Moscow: Pravda; Bednota. 75 p. (In Russ.).
- Labor Don*. (1923). (In Russ.).
- Lapin, D. V. (1924). *The trial of Koch's bacillus*. Moscow: Nar. com. zdrav. 51 p. (In Russ.).
- Letters to the authorities. 1917—1927: Statements, complaints, denunciations, letters to state structures and Bolshevik leaders*. (1998). Moscow: ROSSPAN. 664 p. (In Russ.).
- Matorin, N. M. (1929). *Religion among the peoples of the Volga-Kama Region before and now: paganism-Islam-Orthodoxy-sectarianism*. Moscow: Godless. 174 p. (In Russ.).
- Medynsky, E. N. (1923). Agitsudy. In: *Encyclopedia of extracurricular education*. Moscow: State Publishing House. 138 p. (In Russ.).
- Murin, V. A. (1926). *Life and customs of village youth*. Moscow: New Moscow. 158 p. (In Russ.).
- Rebelsky, I. V. (1926). *Staged trials: (How to organize and conduct them)*. Moscow: Trud i kniga. 84 p. (In Russ.).

- Red Army ditties and about the Red Army*. (1925). Moscow: State Military Publishing House. 28 p. (In Russ.).
- Rezvushkin, Ya. P. (1925). *Judgment on God: An antireligious collection*. Moscow: State Publishing House. 134 p. (In Russ.).
- RGASPI — *Russian State Archive of Socio-political History*. (In Russ.).
- Strumilin, S. G. (1924). *The budget of the time of the Russian worker and peasant in 1922—1923*. Moscow: Voprosy truda. 160 p. (In Russ.).
- Taradin, I. P. (1926). *Sloboda Rovenki*. Voronezh: Voronezh Regional History. About. 171 p. (In Russ.).
- The poor*. (1922). (In Russ.).
- Tsetkin, K. (1955). From a notebook. In: *Memoirs of V. I. Lenin*. Moscow: Gospolitizdat. 72 p. (In Russ.).
- Vilenkin, A. Ya. (1926). *How to put an agitation court in a reading room hut*. Leningrad: State Publishing House. 24 p. (In Russ.).
- Village Theatre*, 8. (1926). (In Russ.).
- Voice of the people. Letters and responses of ordinary Soviet citizens about the events of 1918—1932*. (1997). Moscow: ROSSPAN. 328 p. (In Russ.).
- Worker, build your cooperation!: Collection-manual for worker's clubs on cooperative agit-propaganda*. (1925). Moscow: Down with illiteracy. 143 p. (In Russ.).
- Yaroslavsky, E. M. (1926). *Morality and the way of life of the proletariat in the transition period*. Leningrad: Priboy. 74 p. (In Russ.).
- Zheleznov, F. A. (1926). *More-Vereyskaya volost: (economy and life of the village)*. Voronezh: Voronezh. local historian. About. 38 p. (In Russ.).

References

- Bagdasaryan, S. D. (2015). *Life, labor and family of peasants of the NEP era: the historical daily life of a South Russian village in the 1920s*. Novocherkassk: Lik. 312 p. ISBN 978-5-906758-77-4. (In Russ.).
- Bezdenzhnykh, A. Y. (2011). The problem of education in the countryside in the mid — 1920s. In the context of peasant letters from the Ural region. *Pedagogical education in Russia*, 4: 102—105. (In Russ.).
- Efimova, E. A. (2014). War games in the upbringing of the younger generation (II half of the 1920s — 1930s). In: *Education as a factor in the development of the intellectual and moral potential of the individual and modern society*. St. Petersburg: Leningrad State University named after A. S. Pushkin. 61—68. (In Russ.).
- Gailit, O. A. (2012). Religion in a “young” society: notes on the formation of Soviet everyday life. *The Anthropological Forum*, 16: 288—308. (In Russ.).
- Ippolitov, V. A. (2023). Impact of Famine of 1924—1925 on Social and Political Mood of Peasantry in Tambov Province. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 336—362. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-2-336-362> (In Russ.).
- Kozlov, F. N. (2010). Antireligious propaganda in Chuvashia in the early 1920s. *Echo of Centuries*, 3—4: 301—306. (In Russ.).
- Kulachkov, V. V. (2021). Transformation of the status of peasant women in the era of new economic policy (historiographical notes). *Problems and trends in the development of the socio-cultural space of Russia: history and modernity*, 10 (2): 45—50. (In Russ.).
- Levada, Yu. A. (2001). Generations of the XX century: Research opportunities. *Monitoring public opinion: economic and social changes*, 5: 7—14. (In Russ.).

- Mead, M. (1970). *Culture and Commitment. A Study of the Generation Gap*. New York: Natural History Press. 91 p.
- Mishchenko, T. A. (2020). The younger generation in the construction of a new political identity in the 1920s. In the village of the South-West of Russia. *Manuscript*, 13 (10): 34—40. (In Russ.).
- Orishev, A. B., Tarasenko, V. N. (2016). *The daily life of a Soviet man in the era of the NEP: a historiographical analysis*. Moscow: RIOR. 150 p. ISBN 978-5-369-01460-8. (In Russ.).
- Peris, D. (1998). *Storming the Heavens*. Ithaca and London: Cornell university Press. 237 p.
- Polyanskova, L. Y. (2017). *Formation of a new socio-cultural image of the peasantry of the Middle Volga region during the NEP period*. Moscow: Political Encyclopedia. 239 p. ISBN 978-5-8243-2173-9. (In Russ.).
- Rozhkov, A. Yu. (2016). Transformation of value orientations of rural youth of Kuban in the conditions of the intergenerational gap (1920s). *Voice of the past*, 3—4: 164—182. (In Russ.).
- Rybakov, R. V. (2016). “Socialist culture lacks some virtuous principles”: from the experience of educating Soviet youth in the 1920s. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. *Questions of theory and practice*, 11: 122—126. (In Russ.).
- Slezin, A. A. (2023). Intergenerational Rift in Russian Village: Impact of “Anti-Religious Offensive” of Communist Youth at Turn of the 1920—1930s. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 446—477. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-446-477> (In Russ.).
- Vishneva, O. G. (2014). *Participation of the Pskov provincial Komsomol organization in the campaigns for the re-election of Soviets in the 1920s*, 40. Pskov: [b. i.]. 112—116. (In Russ.).
- Yesikov, S. A. (2010). *The Russian village in the years of the NEP: on the issue of alternatives to Stalinist collectivization (based on the materials of the Central Chernozem region)*. Moscow: ROSSPEN. 246 p. ISBN 978-5-8243-1383-3. (In Russ.).

*The article was submitted 18.04.2024;
approved after reviewing 16.06.2024;
accepted for publication 24.06.2024.*